

КАТЯ КАЧУР

Читайте книги
КАТИ КАЧУР

Капля духов в открытую рану
Любимчик Эпохи
Ген Рафаила
Желчный Ангел
Энтомология для слаонервных
Копия Веры

КАТЯ КАЧУР

КОПИЯ ВЕРЫ

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К30

Ответственный редактор *А. Цыганкова*

Оформление серии *Е. Петровой*

Качур, Катя.

К30 Копия Веры : роман / Катя Качур. — Москва : Эксмо, 2026. — 416 с.

ISBN 978-5-04-235544-8

После аварии Вера Петровна застревает между жизнью и смертью. Её сын Павлик — художник-копиист с мистическим даром — отчаянно пытается вернуть мать, собирая осколки её памяти из старых фотографий и картин. Но женщина, которая очнулась после комы, — не та Вера, что он знал. Она впадает в детство, говорит чужими словами, боится зеркал. И чем глубже Павлик погружается в прошлое, тем страшнее становятся вопросы: кто его мать на самом деле? Где граница между подлинником и подделкой — в искусстве, в памяти, в человеческой душе?

А в это время маленькая Поленька пугает своего деда, знаменитого эксперта-живописца Архипа Мустакаса, называя его забытым прозвищем из молодости. Девочка пишет портреты людей, которых никогда не видела. Её мучают чужие воспоминания. И однажды она рисует женщину, которую отчаянно ищет по всей Москве незнакомый ей человек по имени Павлик...

Две истории. Два художника. Одна жизнь на двоих.

«Копия Веры» — новый роман Кати Качур о том, что связи сильнее смерти, искусство может быть проклятием, а самая точная копия иногда оказывается более настоящей, чем оригинал.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-235544-8

© Качур Е., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ЧАСТЬ 1

Глава 1

День X

Луч солнца, словно лезвие скальпеля, пробрался сквозь узкую щель в плотных шторах, достиг сердца и сделал на поверхности миокарда еле заметный надрез. Вера Петровна открыла глаза, прислушиваясь к непривычному ощущению в груди, и даже положила ладонь поверх ночной сорочки. Боль была мимолетной, неявной, неострой и, скорее всего, неопасной. Вера Петровна улыбнулась, поднялась с постели, одним движением распахнула тяжелые портьеры и пустила вероломное майское солнце в сонную комнату. День обещал только приятные хлопоты. Она подошла к шкафу-купе с зеркальными створками и внимательно всмотрелась в свое отражение. Молодость, тяжелая, мучительная, когтистая, ее окончательно покинула, а старость — мягкая, плюшевая, улыбчивая дружелюбно распахнула двери: входи, не бойся! Да, именно так. Вера Петровна относилась к тому типу людей, для которых финальная часть жизни стала наградой за жестокие испытания в начале пути. Выглядела она чудесно. В свои шестьдесят оставалась тонкой, миниатюрной, легковесной. Лицо детское, продолговатое, морщинки зазорные, глаза серые, блестящие, реснички пушистые, бровки аккуратно выведены темно-коричневым перманентом. Губки пухлые от природы, хотя и посечены возрастными бороздками, будто художник наметал заточенным карандашом с десятков вертикальных штришков. Но когда улыбаешься —

штришки разглаживаются. Поэтому Вера Петровна всегда улыбалась. Вот и сейчас она обнажила хорошо сделанные циркониевые зубки. Всякий раз, глядя на них в зеркало, представляла родное лицо Павлика, сына, который не скупился на мамину внешность и вообще опережал все ее желания. Не успел закончиться крем для лица — Павлик дарил ей корзину с люксовым уходом. Не успела сломаться машина — покупал новый, более дорогой автомобиль. Не успела заскучать — билеты в Большой театр на первый ряд. Не успел сойти загар — путевку на моря. Милый Павлик, могли ли мы с тобой подумать, что жизнь вернет нам все сполна? Отважный мой, честный, талантливый мальчик!

Вера Петровна накинула пеньюар, умылась, вбила в щеки легкий крем и решила позавтракать в любимом кафе недалеко от Третьяковской галереи. Голод уже щеко-тал желудок, и она поспешно начала одеваться. Белье Вера Петровна любила мягкое, бесшовное, телесного цвета, чуть разношенное, чтобы нигде не натирало. И в этот раз, доставая с полки привычные трусишки, она зацепилась за какую-то тесемку и сдернула на пол целых ворох одежды. Поверх нее алым дерзким пятном возвышался кружевной бюстгальтер. Вера Петровна подняла его двумя пальцами и рассмеялась. К краю бретельки были прикреплены такие же красные трусы и огромная итальянская бирка. Где она все это купила? В каком-то аутлете, на какой-то распродаже. В порыве шопоголизма. Конечно, ни разу не надела! А зачем? Кружево колется, стринги натирают кожу, да и этот цвет! На что рассчитывала? Вера Петровна приложила комплект к голому телу (пеньюар уже соскользнул на лодыжки) и кокетливо повертела бедрами. Коктейль из морщинок с итальянским кружевом показался ей гротеском. Но вдруг в сердце опять что-то кольнуло. Не больно,

будто кто-то дотронулся до утреннего солнечного надреза кусочком бинта. А что? А почему нет? А может, сегодня именно тот день, когда нужно надеть красное белье? А вдруг это знак? В конце концов, история знает примеры, когда мужчина и женщина встречались после шестидесяти. И у них вспыхивал роман. И была любовь. Поздняя, последняя, прекрасная... При этой мысли у Веры Петровны задрожал подбородок, а по щеке потекла крупная, полноводная слеза. Она утерла ее краешком кружевных трусов, но синтетическая ткань не впитала влагу, а размазала ее по коже. «Ну уж нет, — осекла себя Вера Петровна, — никакой гигроскопичности! А если я вспотею? А если будет везде колотья? А мне еще по делам весь день мотаться, закупить ткань, заехать в ателье, пересечься с подружкой Натусей, заскочить к Павлику в мастерскую! В конце концов, если я и встречу сегодня свою любовь, то не лягу же сразу в постель! Сначала теплые слова, поцелуи, а завтра уже и надену эти прелестные бестолковые тряпки!» Вера Петровна решительно подняла с пола упавшую одежду, положила ее ворохом на полку, а сверху запихала красный комплект. После чего достала привычные нюдовые трусы из хлопка и бесшовный лифчик. Дорогие, бесспорно. Но немного потертые, с небольшими торчащими ниточками. Ну и что? Кто увидит? Зато весь день в нежности и уюте. Она быстро оделась, раздражаясь, что потеряла пятнадцать минут на какую-то ерунду, припудрила лицо, подмахнула бордовой тушью ресницы (бордо очень подчеркивал ее глубокие серые глаза), мазнула губы розовой помадой и выскочила во двор.

Черный «Лексус» припылился после ночной грозы, но, как всегда, выглядел брутально, по-мужски. Хрупкая Вера Петровна водрузилась за руль, подложив под попу высокую подушку — машина была ей явно большевата.

Опустила боковое стекло, чтобы наполнить салон упоительным майским воздухом, и тронулась в центр. Припарковалась где-то в переулках, недалеко от Третьяковки, перебежала по пешеходной зебре дороги и села на открытую веранду любимого кафе. Через минуту к ней подскочил юный официант, и они тепло пожали друг другу руки.

— Вера Петровна, как обычно? Омлет с ветчиной, вишневый штрудель и двойной капучино с порошком?

— Да, Тимурчик, дорогой! Как учеба? Как жизнь? Как любовь?

— Какая любовь? — засмеялся официант. — Разрываюсь между институтом и работой!

— Ну ничего, ничего, — улыбнулась Вера Петровна, — у тебя все впереди!

Она откинулась в кресле и с удовольствием начала наблюдать за парнем. Тимур, студент МАИ, подрабатывал здесь больше года. Они часто разговаривали, и Вера Петровна знала о нем многое. Например, что отец — татарин, а мама — русская, что запихали его в институт на инженера, а он всю жизнь мечтал иметь свое кафе, что нравится ему Анята с соседнего факультета, но она из семьи олигарха и смотрит только на богатых. Тимур был мифологически красив. Татарская кровь в замесе с русской дала космические глаза, высокие острые скулы и волевые, чуть с синеватым оттенком губы. Казалось, так должен выглядеть Икар. Тот самый, что летал с Дедалом и коснулся перьями солнца. К тому же Тимур обладал главным, по мнению Веры Петровны, достоинством — немногословностью. Она ненавидела болтунов. Болтун тире предатель. Болтун тире влюбленный в себя нарцисс. Болтун тире подлец. Таким был ее бывший муж. Архип Мустакас. Ах-ах! Да забудь уже его! Тридцать лет,

как он ушел, оставив ее без денег с больным Павликом на руках. С тех пор она презирала велеречивых мужчин. И всякий раз при мысли об Архипе вздрагивала, словно кукла вуду, пронзенная иглой.

— Верочка Петровна, ваш завтрак, — Тимур выкладывал с подноса тарелки на белоснежную скатерть, — и! кофе с порохом! — он подмигнул карим космическим глазом.

Это было их общим маленьким секретом. Кофе варили для Веры Петровны специально, добавляя в двойной капучино смесь тонко перемолотого черного перца, арахиса, риса, семян горчицы, зиры и гвоздики. Порошок серо-бежевого цвета Вера называла «порохом». Как-то, путешествуя по Индии, влюбилась в местные специи и начала экспериментировать на своей московской кухне, заодно раздавая советы бариста в любимых кафе. Вот и сейчас, отхлебывая терпкую, горьковато-пряную жидкость, она погрузилась в приятную негу и расслабленно наблюдала за жизнью вокруг. На соседнем ясене, чьи ветви доставали до края веранды, висела кормушка в виде небольшой клетки. Воробьи и всякая мелочь свободно пролезали внутрь и ловко клевали семечки. Голуби же тщетно толкались рядом, пытаясь просунуть сквозь прутья неуклюжие головы. Вере Петровне стало обидно за голубей. Она вообще болезненно воспринимала любое неравенство. Поэтому, размяв пальцами пухлую булочку, насыпала на асфальт рядом с верандой белые крошки. Голуби ломанулись на лакомство, сталкиваясь лбами, но шустрые воробьи их опередили и склевали добрую часть хлеба. Вера Петровна почувствовала себя голубем. Нерасторопным, наивным, туповатым. Не влетающим ни в одну кормушку, не успевающим ни к одной трапезе. Ее же бывший муж Архип Мустакас явно был воробьем. Ловким, предприимчивым,

самовлюбленным, умеющим отрезать от себя людей за ненадобностью. Опять вспомнила, будь он неладен!

— Вера Петровна, вы это, — улыбнулся официант, — вы бы не прикармливали птиц. Они потом на скатерти гадят, в тарелки. Нас ругают.

Вера Петровна подняла глаза и вновь залюбовалась Тимуром. До чего хорош! Как же идет к смуглой коже эта белая рубашка и черный фартук, какие же красивые руки, умные глаза. И эта синева губ невероятно изысканная, породистая. Вот бы сорок лет назад ей на пути повстречался не Архип Мустакас, а Тимурчик. Как бы она его любила, как бы ласкала. Внезапно солнечный надрез на миокарде заныл, в голове всплыло красное кружевное белье, не востребованное, неуместное, и Вера Петровна потупила взгляд, застыдившись своих фантазий.

— Конечно, дорогой, прости! — она достала из кошелька щедрые чаевые. — Да и бежать мне уже пора! Заплутала я в своих мыслях...

Она вскочила, коснулась пальчиками его крупной ладони и выпорхнула на улицу. Хотелось поскорее сесть в машину и рвануть в ателье, которым они с подругой Натусей владели последние десять лет. К одиннадцати на примерку обещала подъехать Елена Викторовна — жена министра сельского хозяйства и ее добрая приятельница. К двенадцати — любовница этого же министра — Елена Дмитриевна. Тоже милая дама, с шикарнейшей талией и крутыми бедрами, что осложняло крой одежды, но вдохновляло мужчин на подвиги. Короче, дел невпроворот. До пешеходного перехода оставалось метров сто. Но Вере Петровне внезапно захотелось срезать путь, и она, взглянув направо-налево, не увидев машин, кинулась на четырехполосную проезжую часть. Вишневым «Лендровер» материализовался на дороге, словно полночный вурдалак. Из окна ревел хит 2010 года:

КОПИЯ ВЕРЫ

Мне о-очень жаль, и на-а восхо-од
Я улечу Москва — Владивосто-ок...¹

Музыка смешалась со скрежетом тормозов и жутким звуком удара. На него отреагировала вся улица. Прохожие завизжали, зажав рты руками, воробьи с голубями резко вспорхнули с деревьев, Тимур, убравший посуду на веранде, опрокинул поднос и издал звериный вопль. Вера Петровна, раскинувшись на асфальте в неестественной позе, уперлась глазами в вишневый бампер с глубокой вмятиной, затмившей ей небо.

«Черт, — подумала она, еще не ощутив волну чудовищной боли. — А белье-то надо было надеть красное. Нехорошо лежать в морге в стареньком. Стыдно».

¹ «Москва — Владивосток» — песня Юлии Савичевой, музыка Максима Фадеева, слова Ольги Серябкиной (2010 год).

Глава 2

ПОЛЕНЬКА

Карета «Скорой помощи», воя сиреной, подъехала к городской больнице. Двое крепких санитаров положили Веру Петровну с носилок на каталку и повезли в приемный покой. В это время из другой белой машины с красными крестами выкатили женщину, прикрытую по пояс белой простыней. В районе ног материя была запачкана кровью. Перед дверью санитары столкнулись, притормозили обе каталки, выясняя какие-то нюансы. Вера Петровна, уже до краев переполненная болью, повернула голову и встретилась глазами с другой пострадавшей.

— Авария? — спросила Вера одними губами.

— Роды, кровотечение, умираю, — так же беззвучно ответила женщина.

На лбу у нее дрожали гигантские капли пота, пространство от носа до подбородка было синим. Вера Петровна протянула руку, преодолевая боль, и дотронулась до живота роженицы. В ладонь ударились крошечная нога ребенка, замурованного в полумертвом теле матери.

— Родишь, — сказала она, чувствуя, как из уголка рта по шее течет липкая струя. — Выживешь. А я уж нет.

Женщина не ответила. А может, и ответила, но Вера Петровна не слышала. Мозг ее помутился. Подоспел медперсонал, толкая каталку по бесконечным коридорам к лифтам и от лифтов — снова по бесконечным коридорам.

— Долго еще этот ремонт будут делать? — где-то далеко, в параллельной галактике, прозвучал недовольный голос одного из санитаров. — Заколебали уже таскать рожениц в травматологию. Пять палат под роддом забрали. А наших уплотнили, как кильку в банке. Друг на друге лежат.

— Да, кажись, финансирование отрубили, — ответил второй. — Теперь уже ремонт никогда не закончат.

«К чему мне эти сведения перед смертью?» — успела подумать Вера Петровна, и сознание покинуло ее окончательно.

* * *

Павлик, стуча об пол тростью, сильно припадая на левую ногу, вбежал в травматологическое отделение и остановился у поста медсестры.

— Вера Петровна Мустакас, пару часов назад к вам поступившая, в какой палате? — Он тяжело дышал, по вискам текли струйки пота.

— Вы кто ей будете? — посмотрела поверх очков сестра.

— Сын. Павел Архипович Мустакас.

— Она в реанимации. Но вам туда нельзя.

— Я вас умоляю! Елена! — прочитал Павлик имя на нагрудном шильдике и полез в коричневую борсетку через плечо. — Возьмите, прошу вас! — он протянул пару красных купюр.

Елена сняла очки и рассмотрела посетителя с ног до головы. Несмотря на гримасу отчаянья, было в нем что-то чертовски притягательное. То ли глаза, влажные, зеленые, цвета морских водорослей, то ли черные с проседью кудри до плеч, то ли белесый шрам в виде змейки на лбу, то ли фигура, крепкая, но скособоченная, то ли белая свободная рубаха поверх льняных широких брюк, то ли богатая